

ПРОЛОГ

День обещал быть одним из самых знойных за все долгое лето во внутренней провинции Китая. Влажная жара так пропекла землю, что к тому времени, когда Лин Сучжи добралась до клочка земли, на котором выращивала овощи, одежда уже прилипла к коже. Сучжи выбрала репу и два побега зеленого лука, осторожно вытащив их из красной земли. Выпрямившись, она огляделась. Вокруг простирались поля, и воздух над ними дрожал и мерцал раскаленными волнами. Здесь даже не было деревьев, под которыми можно укрыться от палящего солнца.

Где же дочь?

Сучжи взглянула на осыпающуюся стену, служившую барьером между полями и свиноманьяком. Накануне вечером она видела, как Мяошань там что-то прятала. Но теперь ее не было видно, и Сучжи вернулась домой. Она разрешила булочки вдоль, заправила каждую луком и ломтиком репы и поплотнее сжала половинки. Нет смысла ждать Мяошань, решила Сучжи, откусывая первый кусок острого завтрака. Мяошань, должно быть, пошла повидать своего жениха, Цай Бина. Они болтали вчера вечером и, вероятно, встретились поутру, чтобы обсудить совместные планы. Сучжи откусила еще кусок булочки и попыталась выкинуть из головы тревогу по поводу беременности дочери. Уж лучше

сосредоточиться на радости, которая их всех ожидает. Свадьба. Ребенок. И все это совсем скоро!

Но страх никак не проходил. Всю ночь Сучжи мучили беспокойные сны, и теперь, потяя не только от летней жары, но и от тревоги, она вспомнила старую поговорку: «Пятнадцать ведер доставляют воду из колодца — семь движутся вверх, восемь тянут вниз». Прошлой ночью она потеряла больше ведер сна, чем получила. Сучжи стряхнула неприятную мысль, собрала крошки со стола, вышла на улицу и разбросала их по земле для кур. Затем отправилась к задней части своего однокомнатного домика, мысленно ругая себя за то, что позволяет ночным кошмарам вторгаться в дневные заботы. Тем не менее она прилежно осмотрела свое небольшое хозяйство, проверила, все ли в порядке, и прошлась по плотно утрамбованной земле, пересчитывая скромное богатство: три курицы перед домом, шесть уток позади; все здоровы, все на месте. Она посмотрела, как там свинья: и с ней все хорошо, жива. Но куда же запропастилась эта девчонка?

Сучжи снова посмотрела вдаль через поля, потом перевела взгляд на раскаленное небо. Облаков не было, так что не приходилось ждать дождя, который принес бы облегчение от жары. Все идет своим чередом. Большинство крестьян заранее знали о приближении большой грозы, когда дождь потоками хлещет с неба несколько суток, иногда смывая весь урожай, всю ферму, а то и всю деревню. Может, надвигается пыльная буря? Отчего Сучжи так тяжело? Пыльные бури были обычным явлением по весне, и мать с дочерью не раз наблюдали, как почву уносит ветром за несколько километров, порой на поля и дороги соседнего района. Может быть, Сучжи чувствует ее приближение? Или иная беда, несвойственная этому времени года, грозит уничтожить урожай? Женщина приложила руку

kozyрьком ко лбу, защищая глаза от солнца, и снова обвела взглядом небо, но оно было безупречно синим и чистым.

Сучжи подошла к сараю, и на нее снова накатило необъяснимое чувство тревоги. Она осмотрела садовые инструменты, прислоненные к глинобитной стене, и обратила внимание, что они стоят не на своих местах. Она не какая-нибудь глупая босоногая батрачка, которая забывает позаботиться о рабочем инвентаре. Он был ее собственностью, средством, позволявшим ей прокормить себя и дочь все эти годы. Неужели Мяошань зачем-то переставила инструменты? Нет, это невозможно: Сучжи научила дочь тому, как важны порядок и аккуратность. И вдруг женщина заметила, что на привычном месте у домика не видно лестницы. Должно быть, какие-то хулиганы украли ее ночью! А вдруг и вола увели?

Сучжи поспешила к сараю, подняла защелку и толкнула дверь. Не дожидаясь, пока глаза привыкнут к тусклому освещению, она ступила внутрь тесного помещения, споткнулась обо что-то и, охнув от неожиданности, повалилась на пол. Она попыталась подняться, но нога зацепилась за веревочные перекладины лестницы. Высвободившись, Сучжи села, потирая сначала голень, а затем локоть и размышляя, почему лестница оказалась здесь, прямо у двери, на проходе.

В сумраке сарая она увидела перед собой чьи-то ноги, медленно раскачивающиеся взад-вперед. С нарастающим ужасом Сучжи медленно подняла взгляд — сначала до колен, затем до бедер и еще выше, вдоль туловища и шеи, — пока он наконец не уперся в лицо Мяошань. При виде головы дочери, вывернутой под неестественным углом, из горла Сучжи вырвался сдавленный крик. Один конец веревки впивался в распухшую плоть под подбородком, другой был привязан

к грубо отесанной опорной балке. Из рта торчал распухший лиловый язык. Глаза были выпучены, как будто кто-то выдавливал их изнутри, широко раскрыты, налиты кровью, слепы.

— Не-е-ет! — закричала Сучжи, увидев, как одна из мух, жужжавших вокруг головы дочери, села на уголок неподвижного правого глаза Мяошань.

Сучжи попыталась вскочить, но снова запуталась в перекладинах лестницы. Восстановив равновесие, женщина ринулась к дочери, одним рывком обхватила сильными руками бедра Мяошань и приподняла тело, чтобы снять вес с шеи. Но, прижимаясь к плотной округлости живота дочери, Сучжи знала, что уже слишком поздно: Мяошань мертва, как и внук в ее утробе.

Три поколения Лин застыли в неподвижности. Наконец Сучжи осторожно отпустила ноги дочери и вышла на улицу, чтобы взять серп. В душе у нее расползлась пустота, простираясь до самого горизонта.

Эти минуты навсегда запечатлелись в памяти Сучжи: как она срезала веревку, сняла тело и уложила Мяошань на земляной пол сарая, а затем побежала по тропе, проложенной вдоль высокой бровки между полями к участку ближайших соседей. Семья Цай — мать, отец и единственный сын — уже приступила к работе. Склонившись, они вырывали сорняки, выросшие между ровными рядами насаждений. Заслышав вопли Сучжи, все трое одновременно подняли головы, словно маленькое стадо оленей, потревоженное хищником. А через мгновение уже бежали с криками на ферму Лин.

Цай Бин, жених Мяошань, первым сообразил, что надо делать. Пообещав скоро вернуться, он поспешил прочь по красной грунтовой дороге, которая вела сначала к шоссе, а затем к деревне Да Шуй. Через час он вернулся с полицейскими из местного Комитета

общественной безопасности. К этому времени у дома Лин собралось еще несколько соседей — досужих свидетелей чудовищного несчастья. Полицейский официально представился как капитан Ву, хотя они знали его всю свою жизнь. Сначала он строгим голосом велел соседям разойтись по своим фермам. Проходя мимо Сучжи, некоторые бормотали слова соболезнования. Тан Дань, самый богатый из соседей, остановился и почтительно обратился к ней:

— Нам очень жаль, Лин *тайтай*¹. Если вам что-то понадобится, приходите ко мне без стеснения. Я помогу вам, чем сумею.

Затем он тоже ушел, так что остались только полицейские, сама Лин Сучжи и семейство Цай.

— Тетушка Цай, дядюшка Цай, — сказал Ву, используя вежливое обращение, — у вас много работы. Мы сами обо всем позаботимся. А ты, Цай Бин, ступай и помоги своим родителям. Мы придем за тобой, если ты нам понадобишься.

Госпожа Цай вопросительно перевела взгляд с Сучжи на капитана Ву и обратно. Но всем было ясно: крестьяне не обладают никаким влиянием и не могут ослушаться полицейского, а потому они покорно пошли прочь, только Цай Бин иногда оглядывался через плечо.

Каждый раз, когда юноша оборачивался, Сучжи вздрагивала от воспоминаний о молодой паре. Она вспомнила, как Мяошань и Цай Бин любили гулять по тропам между бровками соседних полей. С первых весенних месяцев по округе разливался смех влюбленных. В последнее время они выглядели очень счастливыми, будто забыли о традиционной настороженности, которую проявляли друг к другу после обручения,

¹ Букв.: тетушка; вежливое обращение к женщине, которое добавляют после фамилии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и вели себя совсем как в детстве, когда малютками часами играли вместе.

Цай Бин скрылся из виду, а Сучжи продолжала ошеломленно топтаться на прежнем месте, наблюдая, как потные полицейские в мятой форме цвета хаки ходят вокруг сарая и тыкают грубыми пальцами в опухшую шею Мяошань. Потом они сказали, что самоубийство — ужасная вещь, однако мать возразила: Мяошань никогда бы не покончила с собой, но и не настолько глупа, чтобы погибнуть случайно. Сучжи снова и снова твердила одно и то же, но они не слушали ее.

— Ох уж эти девушки, — бросил капитан Ву. — Они бывают слишком темпераментными и эмоциональными. И Мяошань... Я знаю ее с самого детства. И вы уж простите, но она всегда была дикаркой. Попробуй такую контролировать.

Полицейские спрятали блокноты и сели в машину. Перед самым отъездом, уже повернув на извилистую грунтовку, капитан Ву опустил стекло. Он не был бесчувственным человеком, а потому мягко произнес:

— Лин *тайтай*, излишне напоминать, что погода сейчас жаркая. Времени мало. О Мяошань следует позаботиться как можно быстрее. Мы возвращаемся в деревню. Хотите поехать с нами?

Но Сучжи покачала головой, вернулась в сарай, снова села рядом с телом и нежно приподняла голову дочери. Она смотрела на безжизненное лицо Мяошань и думала о ее упрямстве. Как заботливая мать, Сучжи давно должна была заставить дочь выйти замуж за Цай Бина, но Мяошань сопротивлялась, твердила:

— Брак по договоренности старомоден. Кроме того, я не люблю Цай Бина. Для меня он как брат.

Тем не менее обе матери настояли на своем, и два года назад стороны договорились о размере выкупа

за невесту, хотя дети еще не достигли возраста, когда по новым правилам выдают свидетельство о браке.

Несмотря на помолвку, Мяошань снова и снова умоляла маму, чтобы та разрешила ей работать на новой американской фабрике игрушек, которая открылась неподалеку.

— На фабрике я смогу зарабатывать и буду меньшим бременем для вас, мама, — уверяла Мяошань.

Но ее слова были правдой лишь отчасти. Денег, конечно, эта работа принесла бы больше, но Сучжи по-прежнему нуждалась в помощи Мяошань, которая поливала и обрабатывала землю. Но девочка отличалась упрямством еще с трех лет, когда китайские малыши начинают показывать истинный характер. «Местный имбирь недостаточно острый для Мяошань!» — судачили соседи, намекая, что девушка вечно пытается заглянуть за горизонт, будто жизнь там течет по другим законам. И когда Мяошань снова попросилась на фабрику, Сучжи, несмотря на сожаление о потере помощницы и компаньонки, отпустила ее на полгода. Это произошло в самый темный зимний месяц. Ни за что на свете не следовало позволять дочери уехать.

Когда Мяошань вернулась домой в первый раз, Сучжи поразились тому, как та изменилась. Под старой курткой на ней были купленный в магазине свитер и американские *ню цзай ку* — «штаны пастуха»². Но по-настоящему поразило Сучжи лицо дочери. Мяошань всегда считали простоватой на вид. В детстве, глядя на нее, другие матери сочувственно покачивали головами; вот почему Сучжи так обрадовалась, когда мать Цай Бина прислала сваху. Но после возвращения с фабрики щеки Мяошань, прежде впалые и бледные по сравнению с идеальными круглыми личиками

² Речь идет о джинсах.

соседских девушек, порозовели. Она накрашила губы помадой рубинового цвета, подвела черным глаза, а веки подчеркнула темно-серыми тенями. Теперь Мяошань выглядела как знаменитая Гун Ли³. Нет, скорее, она напоминала американскую кинозвезду. И даже сейчас, после смерти, дочь казалась Сучжи красивой и абсолютно чужой, слишком «западной».

Каждый раз, когда Мяошань навещала родной дом, Сучжи все больше беспокоилась из-за происходивших в дочери перемен. Но во время последнего визита девушка сказала нечто такое, от чего у Сучжи похолодело внутри. Мяошань говорила о собрании, которое провела на фабрике с некоторыми другими девушками. «Правильная информация лучше пули, — заявила она. — С ней не проиграешь. Без нее не выживешь». Потом легко рассмеялась и сменила тему, но память об этих словах осталась с Сучжи, потому что она не могла забыть, как много лет назад люди, произносившие подобные лозунги, были сурово наказаны. И вот Мяошань погибла.

Женщина убрала волосы с лица покойницы, чувствуя, как мертвая кожа вбирает тепло раскаленного воздуха. Капитан Ву прав. Сучжи не позволит дочери гнить здесь в летнюю жару. Надо пока задвинуть поглубже горе и ту непростую задачу, которая уже прорастала внутри нее, как семя после свежего весеннего дождя, и сосредоточиться на планировании похорон. Денег у Сучжи немного, это правда. Но, будучи вдовой, она уже десять лет после смерти мужа понемногу экономила то тут, то там на черный день. Ведь невозможно предугадать засуху, болезни и политические потрясения — или похороны.

³ Китайская киноактриса, получившая международное признание благодаря ролям в фильмах Чжан Имоу «Красный гаолян» и других.

Она осторожно опустила тело Мяошань обратно на землю, встала, бросила последний взгляд на неподвижную фигуру девушки и пошла на улицу за лопатой. Дальше, следуя лишь ей одной известным маршрутом, отыскала потаенное место и копала, пока лопата не ударилась о металлический сундучок, в котором хранились сбережения и самые важные документы. Взяв деньги и снова закопав шкатулку, Сучжи, вспотевшая и грязная, не стала задерживаться, чтобы вымыть лицо, руки и ноги, а просто прислонила лопату к стене дома и зашагала по грунтовой дороге.

Первую остановку она сделала в деревне у местного знатока *фэн-шуй*. Предсказатель пообещал, согласно тысячелетним обычаям, взвесить действие главных элементов — ветра и воды, — чтобы найти место для захоронения, наиболее благоприятное для нового духа. С этой целью он также собирался изучить гороскоп Мяошань и рассмотреть политическое прошлое ее родителей, а потом отправиться на кладбище и посоветоваться с духами, которые там уже обитают. Все это он подробно объяснял Сучжи, но стоило ей положить в руку предсказателя еще одну купюру, он тут же окончательно определился с решением: Мяошань будет похоронена на небольшом возвышении посреди кладбища, где сможет вечно наслаждаться теплом с юга.

Покинув знатока *фэн-шуй*, Сучжи поспешно выполнила другие дела. Как же ей было трудно сейчас идти по главной улице деревни! Она видела знакомые лица: женщину, торгующую расписанной яркими цветами эмалевой посудой; мужчину, который наполнял канистры керосином для ламп; старика, чинившего сломанные велосипеды. Новости быстро распространились по деревне Да Шуи. Когда она проходила мимо, лица людей омрачало сострадание, все уважительно склоняли головы, но Сучжи словно ничего не замечала.

Вместо этого она снова обратилась мыслями к живой Мяошань. Вот малышка в традиционных детских штанах с разрезом на попе, затем девочка в линиялой синей стеганой куртке с теплой подкладкой, старательная ученица, которая усердно практикуется в написании китайских иероглифов и чтении вслух по-английски. А недавно она стала молодой женщиной, которая иногда казалась незнакомкой. «Однажды я заработаю достаточно денег, и мы уедем отсюда, — часто говорила она с такой убежденностью, что Сучжи начинала ей верить. — Мы поедem в Шэньчжэнь, может быть, даже в Америку...» Сучжи молча потянула себя за волосы, пытается отогнать призрак дочери, и мысленно простонала: «Как же так вышло?»

В галантерейной лавке Сучжи купила набор разноцветной бумаги, чтобы вечером нарезать листы на квадраты для подношений, которые будут сожжены на могиле. Тогда Мяошань, небогатая при жизни, в загробном мире будет обеспечена одеждой, машиной, хорошим домом, друзьями. Чтобы отвлечь голодных духов от похоронных принадлежностей Мяошань, Сучжи приготовит горшок с рисом, который можно будет высыпать в погребальный костер. Едва огонь погаснет, ее дочь исчезнет из этого мира уже навсегда.

А пока Сучжи предстояла еще одна покупка. Гробовщик Ван, зная, что Сучжи почти так же бедна, как и он сам, посоветовал кремировать девушку. Но Сучжи покачала головой.

— Я хочу хороший гроб, — настаивала она.

— Давайте я сделаю для вас что-нибудь простое и симпатичное, — предложил Ван. — Видите эту древесину? Она вам идеально подойдет.

Но Сучжи провела кончиками пальцев по грубой шершавой поверхности досок и снова покачала головой. Она оглядывалась вокруг, пока ее взгляд

не остановился на малиновом лакированном гробе с кованой ручкой.

— Вот этот, — сказала она. — Как раз для Мяо-шань.

— О, он слишком дорогой! Племянник купил его в Пекине и прислал мне сюда. Я подумал тогда, что просто разорюсь! Такой гроб предназначен для красного принца⁴, а не для кого-то из жителей нашей бедной деревни. Но теперь... — Гробовщик потер подбородок. — Теперь деревня процветает. Я приберег этот гроб для старейшин деревни. Ведь они уже совсем древние и не могут жить вечно.

Но Сучжи, похоже, не слушала. Она пересекла маленькую душную комнату и положила руки на багряную поверхность гроба. Через мгновение она повернулась и сказала твердо:

— Я беру этот.

Не успел Ван возразить, как Сучжи полезла в карман, вытащила пачку потрепанных купюр и начала их пересчитывать. Она не в силах была торговаться, как поступала при других обстоятельствах, но Ван, к его чести, не обманул ее и назначил справедливую цену, хоть и с солидной прибылью для себя. А про себя гробовщик подумал: если уж бедная крестьянка вроде Лин Сучжи готова, не торгуясь, купить роскошный гроб для дочери, возможно, имеет смысл заказать племяннику еще несколько лакированных шедевров.

Закончив дела с Ваном, Сучжи вышла на улицу, залитую ослепляющим солнечным светом. С каждой следующей остановкой решимость ее росла. Она заставит капитана Ву выслушать ее. Она пересекла улицу, направляясь к зданию, в котором находился Комитет общественной безопасности, а затем дождалась, когда

⁴ Красными принцами и принцессами называют детей партийных вождей, составляющих современную элиту Китая.